

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФА В РОССИИ, РАССКАЗАННАЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА¹

Д.Э. Гаспарян

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: Настоящее эссе представляет собой воспоминание о годах моего обучения в МГУ и начале работы в Высшей школе экономики, а также размышление о текущем периоде и состоянии философии в России в целом. Целью этого эссе является попытка рефлексии над принадлежностью себя к определенному поколению философов, сравнение его с прошлым и будущим поколениями, а также попытка проследить преемственную нить поколений. На примере моего собственного ученичества, равно как учительства, показываются отличительные черты каждого нового этапа становления философии в России. На основе личного опыта продумываются сходства и различия между российской и зарубежной практикой преподавания философии, а также работы в академии в статусе профессионального философа. Прослеживается влияние наиболее значимых и ключевых исследований и исследователей на мое философское восприятие, равно как на становление моего поколения философов. В именах и лицах представляется характерный дух определенной философской эпохи, вспоминаются наиболее ценные и определяющие для автора отношения с коллегами и друзьями, наиболее важные и перспективные проекты и совместные начинания.

Ключевые слова: философский факультет МГУ, Школа философии и культурологии Высшей школы экономики, философия в России, философы России, философия конца XX – начала XXI века в России, философские школы в России, биография философов, современная философия в России, философское образование в России.

Врастание в профессию как «жизни лучшая пора»

Наверное, каждый человек, как бы ни складывалась его судьба, в состоянии назвать лучшую пору своей жизни. У некоторых она остается в далеком прошлом и связывается с детскими воспоминаниями, у иных свершается здесь и сейчас, и таковых можно считать истинными счастливыми, а кто-то уверен, что лучшее еще впереди. Что касается меня, то я могу уверенно

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1014–1040.

заявить, что лучшей порой моей жизни были годы учебы на философском факультете МГУ в 1998-2003 годах. Редко когда еще в жизни мне удавалось оказаться в центре столь интенсивно переживаемого смысла и каждодневной радости. Надеюсь никогда не забыть это чувство, больше напоминающее детскую эмоцию предвкушения удовольствия от любимой игры, и навсегда сохранить ощущение приобщения к тайне, о которой знают немногие посвященные. Захватывающим на факультете казалось абсолютно все и, придя туда утром, уходить не хотелось до позднего вечера (разве что переместиться куда-нибудь всей компанией, ведущей философскую беседу, чтобы ненароком не прервать ее). Разговоры на факультете завязывались постоянно и повсеместно и велись нескончаемо долго. Они возникали спонтанно и длились бесконечно, чрезвычайно затрудняя выполнение даже самого пустячного поручения. Зайдя за справкой в какой-нибудь кабинет и «угодив» в какую-то философскую дискуссию, можно было выйти из него через пару часов – обновленным, одухотворенным и напроочь забывшим, зачем туда шел. А если вдруг повод находился, то следующим испытанием полагался чай с плюшками (например, в кабинете Елены Косиловой почти круглосуточно) вкупе с прекрасным гостем (например, твоим любимым преподавателем), у которого хочется спросить все на свете, но в конечном итоге, как правильно жить. Среднему студенту философского факультета МГУ за день удавалось пережить не один катарсис и множественные метаноии. Неудивительно, что к концу учебного года студенты подходили начисто перерожденными, сменившими взгляды, вероисповедания, убеждения и привычные ценности. Но только для того, чтобы, вступив в следующий учебный год новым человеком, пережить очередной цикл перевоплощения. Неизменным во всем этом коловращении душ оставался только чистый восторг от бесконечных приключений, происходящих с тобой совсем как с кэрролловской Алисой. Помню, что лично мне хотелось воспринять все и сразу, побывать во всех точках, а именно на всех лекциях и семинарах одновременно. Особенно притягательным местом была «доска расписания», казавшаяся открывшимся входом в сказочную сокровищницу, содержимое которой можно было не спеша изучать, подсчитывая стоимость драгоценностей, отныне принадлежащих тебе по праву обладания. Странное чувство роста благополучия, сопровождавшее все время пребывания на факультете, было вдвойне удивительным, если принять во внимание, что годы моей учебы приходились на период крайней финансовой нестабильности. Разумеется, всех преподавателей без исключения лично мне удавалось в основном любить преданно и беззаветно. И по моим наблюдениям, они отвечали студентам тем же.

«Остановись, мгновение...»

Одним из ярких студенческих воспоминаний осталась придуманная нами практика записи курсов. Вначале мы вели запись на ставшие сегодня раритетом кассетные портативные магнитофончики и видеокамеру, покупая пленочные кассеты целыми коробками. А чуть позже, с приходом цифровой эпохи, рождение которой мы как раз встречали на философском факультете МГУ, мы освоили диктофоны, и процесс заполнения квартиры стройными шеренгами аудиокассет приостановился. Вместе с моим мужем, который и выступил тогда инициатором проекта записи курсов, мы записывали практически все лекции, на которых присутствовали, стараясь обеспечить приемлемое качество (разумеется, это всегда делалось с разрешения лекторов). Впоследствии мы будем с помощью друзей по цеху распечатывать эти лекции и выкладывать на отдельный сайт (histphil.ru), который просуществует почти восемь лет и принесет увлеченным философией людям немалую пользу. Конечно, этот ресурс будет неизбежно и довольно быстро устаревать, спустя буквально несколько лет от момента создания его формат станет почти совсем неактуальным, но интересно, что сама задумка такого своего рода интернет-обучения возникла у нас задолго до сегодняшнего бума цифровизации образования.

Жизнь в эпоху перемен

Надо сказать, что годы моего обучения пришлись на период бурных изменений. Мое поколение студентов не только встретило цифровую эпоху и повсеместное внедрение интернет-среды, но и застало переход на Болонскую систему, изменения условий поступления (ЕГЭ) и массу других мелко- и крупномасштабных трансформаций. Чего хотя бы стоил взрыв популярности Живого Журнала, в котором философы писали целые диссертации, или широкое распространение философских форумов, на которых разворачивались любопытнейшие и весьма профессиональные дискуссии, и затем стремительный их закат, связанный с приходом соцсетей. Символично, что наступление 2000 года приходилось как раз на середину моего обучения. Помню, как на одной из своих замечательных лекций Геннадий Георгиевич Майоров объяснял нам, что магия календарных цифр может быть обманчива, поскольку двадцать первый век наступит лишь в 2001 году, а все те, кто завороченно повторяет, что это произойдет уже в декабре 2000 года, жертвует истиной во имя сенсации.

Если обернуться назад из дня сегодняшнего, то возникает желание понять, к какому поколению философов правильной себя отнести. Как вообще возможно «философское поколение» и что это такое? Я думаю, в первую очередь, это определенная интеллектуальная и исследовательская традиция, характерный тип мышления и стиль работы. Это круг определенных интересов и, конечно, ценностей, так или иначе разделяемых людьми одного поколения. Это также некая единая социокультурная память и набор смысловых кодов и мемов, которые надежно имплантировались в бессознательное обширной группы людей. Очень непросто очертить критерии философского поколения хотя бы потому, что каждая из названных составляющих не выглядит законченной и константной. К тому же внутри одного поколения может быть много своего рода субпоколений, размывающих границы всякой периодизации. Однако, как всегда в подобных случаях, на помощь приходит (правильнее сказать, прилетает) Сова Минервы: историческая ретроспектива все же позволяет разглядеть многое, что остается незамеченным и трудно формализуемым в актуальном настоящем. Сейчас, спустя почти двадцать лет, я могу заметить, что принадлежу к определенному философскому поколению, которое можно обозначить как поколение двухтысячников. Это очень интересное поколение. В первую очередь, это поколение перелома. Дело, конечно, не только в разительных технологических переменах, не только в том, что один и тот же студент на первом курсе еще мог подготовить от руки написанный курсовик, а на последнем – работать практически полностью с интернетовскими библиотечными ресурсами. Мое поколение застало самый конец девяностых с их вдохновляющей свободой и неопределенностью, а вторая половина взросления пришлась на период после 2000-го, когда многое менялось если не быстро, то весьма разительно. Постепенно застывали те формы, которые возникали и пластично изменялись именно в годы нашей учебы. Ощущение, что вся страна начинает жить по изменившимся правилам, было очень острым, слишком заметным, чтобы его можно было игнорировать. Для выпускников это означало значительную смену потенциала перспективности того или иного выбора. Мое поколение выпускников, желающих посвятить себя философии, не всегда могло определиться с тем, кем им все-таки быть – учеными, политиками, журналистами, или совсем круто изменить профессиональный маршрут. Открывалось много возможностей, и академическая стезя требовала осознанного профессионального выбора. В целом моему поколению было открыто больше возможностей, чем предыдущему, включая обучение и стажировки за рубежом (хотя только сейчас я понимаю, насколько эти возможности были скромны в сравнении с нынешними). Но было крайне сложно представить, как будет складываться академическая карьера в долгосрочной перспективе, если выбор будет сделан в пользу работы за рубежом. Принимая во внимание богатую палитру доступных решений, ответственность за сделанный выбор ощущалась острее и определеннее.

Модные течения и учения

Можно ли определить какую-то моду на философские интересы той поры? Думаю, можно. И я бы определила ее как моду на французское постнищешанство и постгегельянство (или левую философскую мысль во всем богатстве своих проявлений), одним словом, как на наследие французских интеллектуалов 60-80-х годов XX века. Активно переводились труды теоретиков структурализма и постструктурализма – авторов, которых называли постмодернистами, хотя это не самый удачный и релевантный термин. Интересно было наблюдать разрыв, присутствующий в понимании и принятии этой философии разными поколениями. Мои учителя по большей части не воспринимали ключевые имена и контексты континентальной постметафизики всерьез и относились к ним снисходительно. Так, Карен Хачикович Момджян иронически называл философию постмодерна «философией заводной игрушки», а Владимир Сергеевич Кржевов часто шутил, что в книге Жюльена Делеза «Логика смысла» нет ни логики, ни смысла. Надо сказать, что их авторитетное мнение не могло не оказывать влияния на студентов. И представлялось вдвойне интересным разобраться, почему то, что кажется захватывающим для нас, студентов, не слишком интригует маститых профессоров. Студенты и преподаватели коллекционировали шуточки и подсмеивались друг над другом, но тенденция была очевидна – интерес к французской левой мысли шел именно от студентов и не всегда встречал понимание у преподавателей. Зато те преподаватели, которые были «в теме», пользовались огромным авторитетом. Это были звезды факультета. Вплоть с 1998 по 2007 год популярность французского постструктурализма была андеграундной и маргинальной с точки зрения официальной, если так можно выразиться, позиции факультета, но абсолютно топовой в глазах самих студентов. Этот стиль философствования не только занимал умы молодежи, но и формировал их собственный философский почерк и философское вероисповедание. Подобный стиль, если воспользоваться бессмертными словами Владимира Николаевича Романова, входил в «область их автопредикации». Студенты отождествлялись с определенным типом философа и склонялись к определенному типу философствования. Этому должна была способствовать специальная атрибутика в виде опознавательных слов, оборотов, терминов и характера построения фраз. Круг посвященных хоть и не был узок, но требовал большой дисциплины и тщательности в следовании правилам. Если речь разбавлялась нехарактерными для данной языковой игры словами, неопит мог лишиться доверия.

Если сталкивались те, кто относился к философии постмодерна всерьез, и те, кто не питал к нему больших симпатий, то первые были вынуждены отстаивать значимость своих интересов перед вторыми. А периодически покушающихся на авторитет постмодернизма скептиков хватало. Я могу припомнить множество блистательных диспутов, посвященных обсуждению т. н. постмодернистских разделов континентальной философии. Некоторые из них без ложных преувеличений имели эпохально-историческое значение. Среди них диспуты В. В. Васильева и Ф. И. Гиренка или Ф. И. Гиренка и К. Х. Момджяна, запомнившиеся многим философские чтения и секции на конференциях, где схлестывались позиции разных сторон, и многое другое. Иногда это противостояние выглядело не совсем как спор, где каждая из сторон обосновывает свою правоту, а скорее – как противостояние тех, кто силится объяснить, и тех, кто отказывается их понимать. Бремя разъяснения, как правило, по умолчанию возлагалось на последователей постмодерна. Их противники не всегда возражали по сути, а лишь утверждали, что им ничего не понятно, и требовали объяснений. Поэтому многим последователям современной континентальной мысли приходилось искать дополнительные выразительные средства. Впрочем, были и те, кто брал курс на осознанную герметизацию своих исследований. Их позиция была вполне понятной: «если кому-то мои изыскания кажутся труднодоступными, прежде чем жаловаться, он должен взять на себя труд их освоения; ведь в свою очередь философские изыскания противоположной стороны могут оказаться не менее эзотеричными». Но как бы то ни было, это были весьма нетривиальные споры.

В частности, они способствовали появлению тех, кто старался совершить добрый жест конвертации одних языков в другие, прояснить сложные вопросы, и выступали миротворцами в противостоянии разных философских школ. Такие люди утверждали, что непреодолимой пропасти между одними смыслами и другими не существует, разные философские дискурсы вполне укладываются в единое поле философской мысли и жанровое своеобразие не должно отменять некоторой связности и преемственности идей. В некотором смысле к числу таких миротворцев я могу отнести и себя.

В какой-то момент, впрочем, стало ясно, что речь идет о разных философских школах и подходах, которые просто находятся на слишком большом удалении друг от друга, чтобы яростно спорить и всерьез делить сферы влияния. Еще через какое-то время в российском философском сообществе установился суверенитет школ, и стало ясно, что философия в России также подразделяется на два больших направления – континентальную и аналитическую школы. По всей видимости, тот период, который застала я в годы своего студенчества, пришелся на созревание и разделение этих направлений. Они только обретали свою независимость; в это же время в стенах университета сохранялось также влияние советской философской школы и в целом той философской эпохи, когда прочтение западной философской литературы несколько запаздывало.

Собственно, мы ощущали некоторое запаздывание даже в тот период, когда объемы философских переводов стремительно росли и не имели недостатка в читательском интересе. Те трактаты, что попадали в авангард российской философской мысли, шли к нам примерно с двадцатилетним опозданием. Заметно было также, что распределение философского внимания и тяги к философским исследованиям между российским центром и провинцией имело определенный хронологический разрыв, хотя и не такой большой. То, что вызывало интерес в философских кругах столицы, со временем вытеснялось в провинцию. Тогда нам казалось, что этот процесс занимает около десяти лет, но, конечно, никто из нас не проводил статистических исследований. Однако этот разрыв постепенно уменьшался. За последующие 10 лет разрыв между ключевыми интересами философии на Западе и в России заметно сократился. В настоящее время можно констатировать относительную синхронизацию, хотя, конечно, все еще переводится не так много работ, как хотелось бы. С другой стороны, для поколения моих учеников фактор перевода исследовательской литературы на русский язык не столь важен, и этим это поколение разительно отличается от моего. Молодые специалисты работают в международной, в том числе языковой, среде практически со студенческой скамьи. Лично для меня вопрос языка всегда был в достаточной степени болезненным. Несмотря на обучение и стажировки за рубежом, языка, особенно письменного, мне всегда не хватало. Как бы то ни было, но запрос на перевод профессиональной литературы для меня и моего поколения стоял более остро, чем для поколения тех, кто учился спустя 10–15 лет после меня.

Отдельно нужно сказать о влиянии М. Мамардашвили на дух философствования в стенах философского факультета МГУ и, в частности, на меня. Настроение и стиль его философствования буквально витали в воздухе, дух и манера чтения лекций незримо присутствовали в сердцах и умах даже тех специалистов, которые ни разу не слышали его вживую и даже не читали записей его лекций. Для того чтобы стать ретранслятором его стиля, быть представителем поколения шестидесятников было необязательно. Расслышать нотки философствования в стиле Мамардашвили можно было и у молодого поколения. Некоторые из знаменитых «мамардашвилеанских» фраз и словечек становились кодовыми и по-сектантски пропускающими в круг уважаемых интеллектуалов. Например, «посвященный» «мгушный» философ 90-х обязан был говорить «развертка» в значении «концепта, идеи или смысла», «инстанция» в значении «сущности или некоего нечто» или «всегда уже» в значении трансцендентального принципа условий возможности. Такие словечки, как «усилие мысли» или «опыт вхождения», служили связками в предложениях, а общая риторика философской речи у многих (по преимуществу московских) философов оставалась узнаваемо мамардашвиле-

анской. Не менее фундаментальным стало знаменитое разделение на «классическую и неклассическую философии», которое фактически придумал (пусть и не единолично) М. Мамардашвили. К концу 90-х атмосфера «1-го ГУМа МГУ» настолько сильно напиталась духом мамардашвилеанской харизмы, что одно пребывание в его стенах гарантировало подключение к его особому способу говорить и думать. Надо сказать, что с некоторыми вольными или невольными его последователями глубокая погруженность в стиль Мамардашвили могла сыграть злую шутку. В частности, это проявлялось в упорстве произнесения часто используемых Мамардашвили мудреных конструкций, с помощью которых поклонникам со стажем не всегда удавалось что-либо объяснить тем, кто только намеревался разобраться в его философии.

«И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями» (Матф. 10:25)

Если влияние Мамардашвили на меня могло быть только опосредованным, то кто из моих непосредственных учителей оказал на меня наибольшее влияние? Кто оставил самый яркий след и сформировал образ мыслей и идеал философствования? На первом курсе этим одним из самых значительных для меня учителей был Карен Хачикович Момджян. Его интеллектуальное очарование и настоящий философский юмор покоряют до сих пор практически всех студентов. Занятия с ним были настоящей школой ведения дискуссии. Профессор Момджян ставит задачу и ждет наших решений, аккуратно предлагает свое, никогда его не навязывая. Чему меня научила его манера преподавания, так это неподдельному и искреннему интересу к размышлениям студента. Никакой догматики, только честность и вовлеченное слушание другого. Необыкновенная симпатия и сочувствие, которые Карен Хачикович питает к студентам, проявляется и в обычном дружеском расположении: он может пригласить заинтересованных ребят к себе в гости, угостить их чем-то вкусным, познакомить со своими домашними. В одном из таких приглашений мы застали у Карена Хачиковича в гостях Владимира Васильевича Миронова с супругой Дагмар Мироновой, и нам, студентам, был оказан самый теплый и радушный прием. Вообще, одно из самых приятных моих воспоминаний касается эпизодов внеаудиторного общения с нашими замечательными учителями. Надо сказать, что они общались с нами весьма демократично, как с равными. Мало кто на факультете относился к разнообразным аспектам субординации всерьез. Эта удивительная атмосфера доброты и уважительного отношения к студенту не просто согревала долгие годы, но и научила меня тому, что первым условием возможности интеллектуальной работы является взаимное признание и интерес к собеседнику. В противном случае научный труд теряет всякий смысл.

Но, конечно, счастье нашего общения с Кареном Хачиковичем было бы неполным, если бы на занятия с ним не заглядывал Владимир Сергеевич Кржевов, человек огромной эрудиции и выдающихся полемических способностей, которым могли позавидовать древнегреческие философы. Владимир Сергеевич много помогал мне при разборе самых разных вопросов, а также научил меня многим нюансам академического письма, поскольку часто корректировал мои письменные работы. К слову сказать, и Карен Хачикович, и Владимир Сергеевич не вполне разделяли взгляды французского постмодерна, владевшего умами многих молодых специалистов, включая, отчасти, и меня. Ко времени начала работы над моей собственной диссертацией я уже могла сформулировать, в чем состояло глубинное идейное наследие французского левого интеллектуализма в философии, поскольку активно интегрировала идеи этого направления в свою работу. Этот период был особенно интересен дискуссиями с Кареном Хачиковичем, ставшим к тому времени моим научным руководителем, и Владимиром Сергеевичем, неизменно помогавшим мне на протяжении всей работы над диссертацией. Я пыталась показать, что ключевые направления французской философской мысли,

идущие от М. Фуко, Ж. Делеза или Ж. Деррида, в значительной степени проникнуты тем, что можно назвать одной из ветвей западного марксизма. И что отчетливая «левизна» их философствования берет свой исток в критике современного капитализма и капиталистических типов обществ. Между тем в те годы их наследие казалось чуждым в силу недостаточного знакомства российской философии с примерами западного марксизма, порой разительно отличавшегося от того марксизма, который достался нам в наследство от советской философии. Мои собеседники, напротив, указывали мне на важные отличия и трудности сопоставления. Это был очень любопытный диалог, важный и полезный в эвристическом смысле. Многие из того, чего мы касались в разговорах, могло бы лечь в основу определенного исследования, посвященного истории проникновения западного марксизма в российское философское сообщество. Пройдет еще 10 лет, и авторы, которые были мало изучены в самом начале 2000-х, станут добротной классикой для современных специалистов по континентальной философии. Сегодня защищаются работы по ультрасовременному делезианству или дерридаризму, пишутся статьи и книги, соавторами которых зачастую выступают западные коллеги. Все это свидетельствует о многократно сократившемся разрыве между исследованиями на Западе и в России. Но у истоков этого прорыва, как мне кажется, не в последнюю очередь лежат дискуссии, которые мы вели с К. Х. Момджяном и В. С. Кржевовым в начале 2000-х о судьбе марксизма на Западе и в России.

Еще одним замечательным учителем, оказавшим на меня громадное влияние, был Алексей Борисович Толстов, читавший у нас курс по онтологии и теории познания. Сам этот курс можно признать поистине уникальным и самобытным. Является ли курс «ОиТП», преподаваемый на большинстве российских философских факультетов, аналогом стандартных курсов по философии, читающихся на Западе? Не думаю. Если, несмотря на все своеобразие российской философской мысли, мы можем найти некоторое соответствие в том, что читается в курсе истории философии в России и на Западе, то курс по онтологии и теории познания можно считать вполне самобытным. Если же принять во внимание манеру подачи этого материала А. Б. Толстовым, то курс, который читался нам, следует признать несомненно эксклюзивным. Алексей Борисович собственной манерой преподавания показывал, что философия – это философствование, живой процесс промысливания здесь и сейчас. О философской мысли нельзя рассказать, поскольку это не само знание, но, скорее, приватный опыт удостоверения знания. Побудить же к тому, чтобы каждый обратился к своему собственному опыту удостоверения, может перформативная демонстрация этого процесса, когда каждый может попробовать ему последовать. Именно так происходило на лекциях А. Б. Толстова. Мне невероятно повезло, что я смогла присутствовать на его курсе. Многие из тех идей, которыми он делился и к которым порой многократно возвращался, надолго определили мой собственный диапазон опорных точек философствования. Полагаю, что именно через особый философский стиль Алексея Борисовича я косвенно подключилась к философии М. Мамардашвили, наследие которого открыла для себя только через несколько лет после начала обучения на факультете. Оно показалось мне необычайно созвучным и понятным. Спустя годы я понимаю, что на лекциях Алексей Борисович разворачивал свою собственную философию, с массой красивейших идей и нетривиальных озарений, у него был свой взгляд, стиль, почерк и особая перспектива видения. Алексей Борисович всегда был верен устному стилю философствования в канонической сократовской традиции, что не может не вызывать уважения, но все же было бы прекрасно, если

Наконец, еще одним своим учителем я могу назвать профессора В. В. Васильева. Нет необходимости указывать на необычайный профессионализм Вадима Валерьевича, человека, который сделал для развития отечественной философии столь много ценного, что его имя фактически ассоциируется с целыми страницами истории в развитии философского знания в России. Многие мои одноклассники и я хорошо помним часто наблюдаемый в годы моего студенчества сюжет – в перерывах между лекциями в кафедральном кабинете появляющийся

на пороге заведующий кафедрой истории философии Анатолий Федорович Зотов немедленно обращался к Васильеву, совсем недавно защитившему кандидатскую диссертацию, с требованием в кратчайшие сроки предоставить текст докторской. У Анатолия Федоровича, как и у многих других, не вызывало сомнений, что право называться доктором философских наук Вадим Валерьевич заслужил уже давно. Однако, как далее следовало из разговора, единственным человеком, который считал свои наработки недостаточно качественными, был сам Вадим Валерьевич. Надо ли говорить, что такая требовательность к себе только подтверждала правоту профессора Зотова.

Однажды я уже рассказывала об огромном влиянии, оказанном на меня В. В. Васильевым [Поколения ВШЭ...2013]. Эта была настоящая школа мысли. Васильев был безупречно точен в своем изложении материала. Философские системы в его исполнении становились связными, ясными, прозрачными, каждая мысль немедленно подкреплялась аргументом. Это была не просто описательная подача материала, как часто бывает в курсах по истории идей. Его повествование воспроизводило ход мысли автора, но с обязательным акцентом на ключевых и опорных пунктах аргументации. Васильев всегда приглашал свою аудиторию оценить силу и убедительность аргументов разбираемых философов и сам давал оценку им. Он ранжировал аргументы по убедительности и всегда давал нам ориентир, какие аргументы существенны, а какие второстепенны. Вадим Валерьевич стал для меня тем преподавателем, который впервые изменил мое представление об истории философии. Благодаря его лекциям учение философов прошлого перестало выглядеть как историко-архивная или музейная ценность. Ему удалось показать: классические философы всегда являются нашими современниками, их аргументы живы и актуальны. Неудивительно, что лекции самого Васильева обычно носили характер репортажа с места событий, а семинары – телемоста с использованием машины времени. Эти занятия помогли мне осознать, что доблесть философа-профессионала состоит в том, чтобы обращаться к мыслителям минувших столетий (спорить с ними или соглашаться) так же, как если бы мы могли сегодня пригласить их в зум или отправить электронное сообщение. Нас разделяют столетия.

Огромный вклад не только в мое собственное развитие, но и, как мне кажется, в развитие всего факультета Васильев внес своей поистине подвижнической деятельностью по включению российской философии в международное сообщество. Будучи историком, Васильев изобличил главные пороки отечественной академической работы: зачастую мы говорим о современных авторах, ведущих активную и динамичную исследовательскую жизнь так, как будто они давно умерли. Действительно, исследования у нас нередко ведутся в режиме эпитафий, но хорошая диссертация – это не панегирик, а труд, являющийся результатом актуальной, здесь и сейчас протекающей дискуссии, в какой бы точке мира мы ни работали.

Окно в Европу

Могу сказать, что неблагоприятная ситуация академической изоляции неуклонно менялась в лучшую сторону, и сейчас мы находимся в несоизмеримо лучшем положении, чем 10–20 лет назад. Современные исследователи, особенно молодые и очень молодые, не боятся сотрудничества с иностранными коллегами, но, напротив, ищут его, спокойно реагируют на определенные трудности коммуникации, которые всё еще сохраняются, и стараются жить полноценной международно-вовлеченной жизнью. В частности, аспиранты Вышки знают, что всегда могут пригласить зарубежного коллегу на свою защиту, используя различные возможности Интернета, и если не с первого раза, то рано или поздно обязательно найдут заинтересованного в их работе зарубежного коллегу-специалиста.

Конечно, процесс вхождения в международное сообщество был не быстрым, хоть и верным. За это время философское сообщество в России преодолело сложный путь по интеграции в международное пространство. Мне повезло, поскольку я не просто наблюдала

этот процесс, но самостоятельно проходила его, будучи вовлечена на правах участника и, отчасти, испытуемого. Большое и благотворное влияние в этом смысле оказала на меня работа в Высшей школе экономики, где я работаю с 2006 года. В 2009 году в НИУ ВШЭ впервые была отчетливо сформулирована идея интеграции, включающая не только тесное общение с зарубежными коллегами, но и освоение самой эффективной формы международного сотрудничества, а именно задача публиковаться в международных рецензируемых журналах. Тогда эта задача казалась из разряда фантастических и почти несбыточных грез, но прошло еще какое-то время, и коллеги стали всё более уверенно публиковаться на разных языках в различных высокорейтинговых международных журналах. А еще через какое-то время уже многие российские журналы и периодические издания поставят себе цель попасть в международные базы цитирования и успешно справятся с поставленной задачей. И хотя по-прежнему задача публикации на иностранных языках в международных изданиях остается довольно трудоемкой, мы значительно продвинулись в этом вопросе. В бытность моего студенчества и начала научной карьеры взаимное сотрудничество российской философии с Западом еще не мыслилось как что-то сколько-нибудь реалистичное. Российские исследователи, высокого и высочайшего уровня, ставили себя, как правило, в разряд комментаторов и специалистов по какому-нибудь западному автору, теории или школе. Первым, кто на моей памяти восстал против такого самоумаления и непродуктивного пиетета перед неким архетипическим «там, где нас нет», был как раз Вадим Васильев. Не в последнюю очередь благодаря его помощи мое поколение гораздо легче подошло к поиску западных стажировок, получению научных степеней в западных университетах, формированию международного нетворкинга и активному участию в зарубежных научных мероприятиях.

Мой собственный опыт международной интеграции складывался стихийно. Первое общение с иностранными коллегами произошло в далеком 2006 году, когда благодаря В. Васильеву мы отправились на конференцию по философии сознания, регулярно проводящуюся в Тусоне (шт. Аризона), довольно удаленном уголке Америки, буквально в пустыне. Впоследствии, также благодаря помощи и содействию В. В. Васильева, я побывала в 2008 году с группой философов из Института философии, в частности с Владимиром Кирилловичем Шохиным, на достаточно камерной конференции в Университете Тэмплтона, г. Вако (шт. Техас). А еще через три года В. Васильев посоветовал мне подать документы на американскую программу академического обмена Фулбрайта, и я выиграла годичную стажировку, сыгравшую в моем развитии очень важную роль. В 2009 году я уехала на годичную стажировку в Университет Кларка в г. Вустер (шт. Массачусетс), где смогла познакомиться со многими замечательными специалистами, для описания сотрудничества с которыми потребовался бы отдельный рассказ. Упомяну лишь некоторые имена: профессора Жана Вальсинера, неординарного исследователя по диалогичности и диалоговости в социологии, культурологии, психологии и философии. Будучи родом из Эстонии и эмигрировав в Штаты еще в период существования Советского Союза, он сделал блестящую карьеру в области американской теоретической психологии и объединил вокруг себя кружок исследователей, работающих в так называемой континентальной традиции. Мои попытки познакомить американских коллег с философскими исследованиями, ведущимися в России, были делом не только захватывающим, но и занятым. «Трудности перевода» в самом широком, а не только языковом смысле всюду давали о себе знать. Способы концептуализации знаний, несмотря на многое позитивное общее, все же различались. Однако радовало то, что общий язык всегда находился, а смысловая «притирка» возникала быстрее, чем можно было ожидать. Повидимому, что-то доконцептуальное (некое нететическое) и глубинное роднит не только всех философов в мире, но и всех думающих людей на Земле. Мне также довелось пообщаться со звездой современной аналитической философии Дэвидом Чалмерсом, на курс которого мы с Татьяной Левиной (тоже находившейся на стажировке в рамках программы Фулбрайта) героически ездили из Бостона в Нью-Йорк. Дорога занимала четыре часа (в одну сторону),

к которой лично я должна была прибавить еще один час, отделявший Бостон от Вустера, где я жила, однако это ни разу нас не остановило. Этот год был просто напитан общением и интенсивной работой. Тогда я впервые попробовала рассказать о философии Мераба Мамардашвили американским философам сознания и проверить, насколько его творчество может быть им понятным. Результаты были самые разные, но когда в 2011 году я решила написать свою первую пробную книгу о М. Мамардашвили на английском языке, то не надеялась, что ее кто-то прочтет, тем более что публикационный тираж ее был крайне мал. Однако спустя несколько лет эту книгу прочитала Алисса де Блазио, крупнейший исследователь русской и советской мысли, профессор, руководитель кафедры славистики в Университете Дикинсона. В 2019 году Алисса напишет свою собственную удивительную книгу о М. Мамардашвили и советском кинематографе, которая в текущем году была переведена на русский и весьма заинтересованно встречена русскоязычным читателем. Алисса, активно сотрудничающая с Михаилом Эпштейном и Мариной Быковой, помогла мне открыть целое поле исследований по Slavic Studies за рубежом и понять, что некоторые философские труды и достижения русской философской мысли для того, чтобы быть понятыми и воспринятыми на Западе, должны представляться именно в рамках Slavic Studies.

Через 5 лет после окончания этой стажировки я поступила в аспирантуру британского университета Staffordshire University и получила степень PhD в 2019 году. Мой научный руководитель, специалист по Хайдеггеру, профессор Дэвид Вэбб (Университет Стаффордшира), с которым я общалась долгие 3 года, предшествовавшие защите диссертации в чудесном английском городе Сток-он-Тренте, не только научил меня англоязычной версии философии М. Хайдеггера, но и провел через все хитросплетения британской системы обучения в аспирантуре. Профессор Вэбб и его коллега Дуглас Бёрнхам (Университет Стаффордшира), специалист по Гегелю, оказали мне неоценимую помощь в написании диссертации на английском языке по непростой теме негативности (в том значении, которое ей было придано Гегелем и последующей критикой). На последнем этапе моей работы огромную поддержку мне оказал Майкл Льюис, специалист по Хайдеггеру и современной феноменологии (Университет Ньюкастла), имеющий ряд контактов среди некоторых российских философов. В 2019 году я также окончила магистратуру в Университете Шеффилда (Великобритания), входящего в «группу Рассела» и топ 10 лучших вузов Великобритании.

Для моего поколения получение двойных дипломов или получение зарубежных научных степеней наряду с российскими в какой-то момент стало если не распространенной, то все чаще встречающейся практикой. Однако могу сказать, что, в отличие от моего поколения, которое всё же с трудом шло к идее расширения своей профессиональной географии, поколение моих учеников уже со студенческой скамьи мыслит в горизонтах западных степеней, стажировок и постдоков. Немаловажным фактором здесь выступает владение иностранным языком. Чтобы чувствовать себя комфортно в процессе профессиональной коммуникации, требуется живой, а не книжный язык. Удивительно наблюдать, как каждое следующее поколение осваивает его всё лучше. Очевидно, что это связано с непосредственно осуществляющейся коммуникацией, актуальным взаимодействием с англоязычными коллегами. Когда такое взаимодействие есть, нет необходимости специально изучать язык. Большинство моих студентов (Высшей школы экономики) слушают лекции иностранных приглашенных профессоров, пишут с ними курсовые работы, совместно ездят на конференции и в изобилии готовят заявки на зарубежные стажировки. Очевидно, их уровень разговорного и вместе с тем академического языка намного лучше языка представителей моего поколения, как, собственно, и у моего поколения «языковых страхов» меньше, чем у поколения девяностодеятников, зачастую владеющих безупречным, но скорее «книжным» английским (французским, немецким)².

² У этой статистики так много исключений, что я почти отказалась формулировать это наблюдение, но все же оставлю его на правах оценочного обобщения на основе собственных скромных эмпирических данных.

Еще одно мое наблюдение по итогам путешествий касается смены поколений в российской и зарубежной академиях. Этот процесс имеет определенные черты сходства у нас и на Западе как минимум в том, что наследование преемственности транслируется не только через официальные формы преподавания в крупных центрах и лабораториях, но и через малые группы по интересам, краткосрочные проекты, живые и зачастую повседневные дискуссии с коллегами. Вместе с тем есть и существенные различия. В первую очередь они касаются самой практики образования школ. Как правило, выпускники западных университетов не остаются в своей *alma mater*, а трудоустраиваются за ее пределами, в других университетах. На сей счет существуют довольно строгие, гласные и негласные, правила ротации, которые объясняются желанием избежать непродуктивной и крайне нежелательной для развития науки конкуренции между молодыми и старшими поколениями в пределах одной институции. К сожалению, в Российской академии этого правила практически не придерживаются, что объясняется множеством факторов, в числе которых отсутствие богатого выбора рабочих мест, по сравнению с тем, которые могут быть предоставлены молодому специалисту на Западе.

Цвет нации

Кто из представителей моего поколения определяет его наиболее характерно и наглядно? Трудно сказать вполне определенно, поскольку мы все учились в разных школах и были причастны разным философским сообществам. В частности, я могу сказать, что выпускники МГУ отличаются от выпускников РГГУ, а те и другие в свою очередь от тех, кто совсем недавно окончил философский факультет НИУ ВШЭ. У нас у всех не только разные бэкграунд, учителя, акценты, способы подачи материала и типы конфигурирования знания, но и, если так можно выразиться, разное коллективное бессознательное и неодинаковый стандарт научной работы. И конечно, у нас различно то, что уже не требует прояснения – тот уровень знания, который условно можно обозначить как трансцендентальный: он сам не требует прояснения, схватываемый как само собой разумеющееся и наиболее понятное, но с его помощью мы понимаем и объясняем все остальное. Впрочем, какие-то имена столь яркие и очевидно значимы, что их просто невозможно не назвать. Замечательные историки философии моего поколения Александр Михайловский и Ирина Макарова определяют ту историю философии, которую мы имеем в Высшей школе экономики сегодня. Это сильные и яркие специалисты, которые много сделали в том числе и в вопросах популяризации историко-философских идей. Выпускники кафедры логики Виктор и Юлия Горбатовы и вовсе произвели настоящую революцию в России, поскольку практически единолично разработали и запустили курс по «Критическому мышлению», который, будучи одним из ключевых прикладных курсов по философии и логике на Западе, в России практически не был представлен и не имел аналогов. Очевидно, что представители моего поколения если и не стояли у истоков многих разделов аналитической философии в России, то внесли в ее развитие огромный вклад. Это не только следование тем маршрутом, который совершенно новаторски приоткрыл В. Васильев, а именно развитие аналитических разделов философии сознания, но и развитие аналитической философии языка, аналитической философии этики и т. д. К числу таких блестящих специалистов я бы отнесла Андрея Веретенникова, Петра Куслия, Екатерину Вострикову. Очень интересный и самобытный путь развития сложился у тех выпускников кафедры Федора Ивановича Гиренка, которых я застала в процессе обучения (Дмитрий Кралечкин), и тех, с кем потом работала долгое время (Татьяна Левина). Дмитрий, будучи одним из самых неординарных выпускников факультета, уйдя в свободное плавание вне академии, сделал несколько замечательных переводов (в частности, перевел Ж. Деррида в России) и недавно написал свою собственную книгу. Таня Левина занималась философией искусства и некоторыми представителями русской философии, выступала организатором самых разных

и необыкновенно плодотворных философских мероприятий, от семинаров по аналитической метафизике в МГУ до круглых столов, коллоквиумов и конференций по современной метафизике и другим самым разным философским проблемам. В последние годы она разрабатывает философию гендера в России, и будем надеяться, что у этого начинания есть творческий потенциал. Весьма самобытный исследователь, с которым меня связывают годы совместной учебы, Елена Косилова, является философом, который всегда следовал в профессии только за своим собственным интересом, что не могло не вызывать уважения. Как мне кажется, Елена внесла большой вклад в развитие темы субъекта и личности, а также темы своеобразия психической нормы и патологии, тем, которые всегда мыслились как те, которые располагаются на стыке философии и психологии, но которым Елена смогла придать подлинно философское звучание. Еще одна моя замечательная коллега, Татьяна Рябушкина, с которой мне посчастливилось познакомиться уже в стенах Высшей школы экономики, ученица Владимира Натановича Поруса и Владислава Александровича Лекторского, уникальный и независимо мыслящий специалист, разрабатывает собственную теорию рефлексии и самосознания. Полагаю, Татьяна вносит важный вклад в поддержание сильных сторон российской школы философской мысли, а именно школы эпистемологии, которая, не будучи прямо аффилирована с каким-либо из классических направлений (напр., феноменологией, конструктивизмом или историей философии), может предложить собственное видение и исследовательскую стратегию. Отдельное и абсолютно бесценное влияние не только на мое собственное становление, но и на формирование атмосферы Школы философии Высшей школы экономики оказала замечательный философ Софья Данько, которая хоть и училась раньше меня (и не в МГУ), но защищала диссертацию примерно в то же время, что и я, уже на философском факультете МГУ, активно сотрудничая с такими блестящими философами, как Зинаида Александровна Сокулер, Валерий Григорьевич Кузнецов и Алексей Борисович Толстов. Логик по диплому, Софья защитила диссертацию по теме субъекта и вскоре занялась разработкой философского наследия Витгенштейна. Софья уникальна тем, что является не чистым аналитическим философом языка, но необыкновенно чувствительна собственно к проблемам метафизики в их классическом изводе. Для меня столь значимы имена Рябушкиной и Данько, поскольку обе они, как независимые исследовательницы, работают в самостоятельном ключе, вне строгого канона и своего рода франчайзинга традиционных философских школ и направлений. Они имеют авторский стиль и почерк. В свою очередь, влияние Софьи Данько на школу философии Вышки трудно переоценить: последние 10 лет у студентов и преподавателей Школы философии Вышки в ходу шутка о том, что Школу впору переименовывать в Школу философии им. Людвиг Витгенштейна. Под научным руководством Софьи Данько по нему пишется рекордное количество студенческих работ, и даже самый нерадивый студент, учась у Софьи Владимировны, неплохо усваивает нетривиальные положения данного мыслителя. В целом Софья Данько является одним из самых интересных и самобытных специалистов по витгенштейноведению в России, с собственной философской концепцией и авторским видением.

Наконец, еще один исследователь моего поколения, Дарья Дроздова, заслуживает обязательного упоминания. Это человек, о котором неизменно хочется говорить как о гордости Школы философии и философии вообще, но не только в стандартном смысле почитания и восхищения, но и в смысле широты ее профессиональных компетенций, обладая которыми она все же сделала выбор в пользу философии. Дарья, астрофизик по первому образованию, человек, преуспевший в естественных, равно как и точных, науках, обладающий мощным математическим интеллектом и разбирающийся в тонкостях квантовой физики, предпочла соблазнам безоблачной жизни успешного ученого романтическую стезю метафизика. И, как уверяет она сама, ни разу об этом не пожалела. Дарья блестяще защитилась под чутким руководством Алексея Михайловича Руткевича по философии А. Койре и всегда благоволила философии науки, курс которой прекрасно ведет не один год. Однако Дарья еще и замечатель-

ный историк философии, знаток языков, удивительный эрудит. При этом что сближает нас как исследовательниц, так это ее благожелательное отношение к философским вопросам проблемного типа, способность мыслить за пределами доксографии историко-философского наследия. Несмотря на огромную начитанность и осведомленность, Дарья относится к тем свободным мыслителям, которые хотят думать от своего собственного имени и искать самостоятельные решения в философии. Она не боится мыслить вдали от близкого к оригиналу воспроизведения первоисточников. Поэтому, по моему мнению, Дарья является не просто ученым и историком философии, но и философом, что не так часто встречается в подобном сочетании.

Если как-то резюмировать влияние тех людей, которые приходится мне современниками и частью моего поколения, то я бы отметила определенную смелость их творческого начала. Быть может, с высоты более современной утонченно дифференцированной специализации и профессионализации их более широкий замах может показаться наивным, но воля к самостоятельности в творческой работе и страстное желание сказать и сделать в философии «что-то свое» определенно отличает мое поколение, делая его, может быть, более беспокойным и иногда неформатным, но почти всегда честным и заинтересованным.

Одиссея от Ленинских гор до Старой Басманной³

Я пришла работать в Высшую школу экономики в январе 2006 года, в общем-то по воле случая. Хотя мне уже хотелось начать работу в академии, но обстоятельства всё не складывались: поскольку защита диссертации вот-вот должна была состояться и отвлекала на себя практически все ресурсы, то целенаправленного поиска позиции для трудоустройства в академию я не вела. Вместе с тем Елена Косилова, которой я обязана многим, но как минимум определенными бесценными знакомствами, свела меня с Софьей Данько, которая в свою очередь познакомила меня с Владимиром Натановичем Порусом, возглавляющим тогда кафедру «Онтологии и теории познания» НИУ ВШЭ, а тот в свою очередь – с Александром Фридриховичем Филипповым, возглавляющим кафедру с замечательным названием «Практическая философия». Именно на этой кафедре числилась свободная вакансия старшего преподавателя, и после непродолжительного телефонного собеседования Александр Фридрихович благосклонно склонился к моей кандидатуре. Позже у меня было запланировано собеседование с деканом факультета философии НИУ ВШЭ. Тогда им был Алексей Михайлович Руткевич. В назначенный час Алексей Михайлович собрал меня и других соискателей в Институте философии и провел короткое собеседование-напутствие со всеми нами. Все присутствующие были выпускниками МГУ – среди них Ирина Макарова и Елена Карпенко. Мы были очень рады знакомству друг с другом, хотя оно было своего рода повторным – хотя мы и не встречались раньше, причастность одной alma mater сближало нас по умолчанию. Это было изумительно доброе и демократическое собеседование. Алексей Михайлович сразу заверил нас, что не сомневается в наших профессиональных компетенциях и не собирается их проверять, поскольку уверен в знаке качества факультета, нас выпустившего. Далее он рассказал нам, чего ждать от работы с точки зрения наших интересов, заботливо и искренне рассказав обо всех достоинствах и недостатках нового места работы. К слову сказать, атмосфера отеческой заботы не покидала нас на протяжении всего периода деканства Алексея Михайловича; я не помню случая, чтобы он не поддержал чьей-то инициативы, не пошел навстречу сотруднику, не помог с проектом или творческим начинанием. Он всегда признавал в нас профессионалов, имеющих полное право на неограниченную свободу самовыражения, и мы сполна этим пользовались. Могу сказать, что в период с 2006 по 2009 год (до моей годичной поездки в США) период моего личного роста и «вращения

³ На Старой Басманной, д. 21, располагается ныне Школа философии и культурологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

в профессию» активно продолжался уже в новых университетских стенах. В этот период у меня установились главные философские позиции и навыки преподавания, и я бы сказала, что этот период воспринимался как получение еще одного образования, столь интенсивный контраст я ощущала между периодом поступления на работу и периодом своего пятилетнего пребывания в должности университетского преподавателя.

В 2015 году факультет философии НИУ ВШЭ перестал существовать и был переименован в Школу философии, перейдя под юрисдикцию факультета гуманитарных наук. Алексей Михайлович возглавил во много раз укрупнившийся факультет, а Школой философии стал руководить Владимир Натанович Порус. Под его поистине философским руководством Школа продолжала расширяться и усиливаться. В это же время активно росли различные наукометрические требования и обязательства по научно-продуктивной отчетности. Много менялось в атмосфере Школы философии и университета в целом, но главное, дух взаимопонимания и поддержки, любви к живому творчеству и свободной мысли не менялся, не в последнюю очередь потому, что тщательно оберегался Владимиром Натановичем. С зимы 2020 года управление Школы философии, ставшей совсем недавно Школой философии и культурологии НИУ ВШЭ, подхватила Анастасия Углева – человек, пожалуй, ближе всего стоящий к моему поколению. Анастасия совершенно уникальна в своем удивительном умении сочетать сразу целый букет дарований, от академических до управленческих. Будучи одной из самых талантливых выпускниц кафедры ИЗФ МГУ (защитив диссертацию под руководством А. В. Зотова), в своем профессиональном росте Анастасия, как мне кажется, весьма показательно подтверждает указанные выше особенности формирования моего поколения, в частности, спустя несколько лет после защиты кандидатской диссертации в МГУ она защитила PhD в Сорбонне. Ее работу отличают многие из тех идеалов, которые мы могли воспринять в стенах философского факультета МГУ, а именно обязательное сохранение университетских стандартов образования и классических основ преподавания философии. Наблюдая за этим со стороны, я могу совершенно определенно заметить, что на философском факультете МГУ можно было научиться не только философии, но и управлению кафедральными сообществами, определенному стилю и ценностям общения с творческими людьми и мастерами своего дела, а также их профессиональными исследованиями.

К какой школе себя отнести?

Если говорить непосредственно о той группе специалистов, к которой примкнула я, то наш круг интересов можно охарактеризовать как в большей степени ориентированный на метафизику, а именно проблемы онтологии и теории познания. Я бы отнесла к этому кружку С. В. Данько (НИУ ВШЭ), А. Шиян (РГГУ), Т. Шиян (Университет дружбы народов), К. Павлова (Институт философии), Т. М. Рябушкину (НИУ ВШЭ). В. Горбатова (Свободный университет), Д. Дроздову (НИУ ВШЭ), Т. Левину (НИУ ВШЭ) и многих других. Нас объединяет, помимо определенных тематических интересов (вопросы познания, языка, смысла, сознания, субъекта и свободы), еще и определенный подход. В отличие от истории философии, мы видим философию проблемно, а не только традиционно, как историю идей («историю философии»). Нас связывает то, что мы кладем в основание мысли главные философские проблемы, не связанные напрямую с определенным философским контекстом. В каком-то смысле мы верим в существование «философии вообще». Главный аргумент в пользу существования «философии как таковой», а не только философии, скажем, Платона, Канта или Хайдеггера, заключается в том, что мы не могли бы называть учения названных философов философскими, если бы уже не представляли, по какому критерию их можно сблизить и что лежит в основании их профессионального родства. Очевидно, что философские теории бессмысленны при отсутствии самой философии. Если есть критерий, по которому мы отличаем философию от не-философии, значит, его можно и нужно сделать явным, застолбив террито-

рию философии и бережно отделив ее от соседних территорий. Мы исходим из того, что философия существует как самостоятельная дисциплина во многом благодаря специфичности своих вопросов. Если это так, то философия, несмотря на любые внутренние разночтения, сохраняет определенную универсальность благодаря самим философским проблемам, список которых не слишком подвержен веяниям моды и времени. Вариативность философии – многообразие ее теорий, подходов и направлений, касается не самих проблем, но стратегий их решения. Эта обстоятельство объясняет, почему философы самых разных школ и направлений все же в состоянии найти общий язык – это тот язык, на котором формулируются философские задачи. Философские проблемы могут быть поставлены на относительно нейтральном языке, благодаря которому возможна частичная конвертация различных теорий и подходов – даже очень непохожие друг на друга философские теории родственны в том, что направлены на решение одних и тех же задач. Именно по этому принципу философы узнают друг друга, независимо от того, дружат они или враждуют. Их теории и подходы могут быть далеки как небо и земля, но в главном они окажутся едины: в том, во имя чего вообще эти теории создавались, и в задачах, которые стремились решить.

Сейчас, спустя немалое время, я бы сказала, что ориентация на проблемный подход в философии это как раз то, в чем оказалась сильна школа философии МГУ. Наибольший вклад в развитие такого подхода внесла кафедра онтологии и теории познания, в жизни которой важнейшую роль играл ее замечательный руководитель Владимир Васильевич Миронов. Уже после окончания и защиты диссертации я смогла оценить, что философский факультет МГУ дал рождение не только одной из самых сильных в стране школ по истории философии, но и породил довольно эксклюзивное направление систематической или теоретической философии. Притом что философский факультет МГУ ассоциируется, в первую очередь, с мощной историко-философской школой, представленной ярчайшими именами М. А. Гарнцева, Г. Г. Майорова, В. В. Васильева, А. А. Костиковой и многих других, но именно школа систематической философии, большой вклад в развитие которой внесла именно кафедра онтологии и теории познания, мало где достигла таких же интересных результатов, как в МГУ. Конечно, различие философских школ в университетах – характерная черта не только российской, но и международной академии. Еще в годы моего ученичества мы ощущали, что если в МГУ сильна история философии, аналитическая философия сознания, философская антропология, логика и социальная философия, то в РГГУ сильнее школа феноменологии (хотя бы потому, что главный феноменологический кружок в годы моего обучения складывался вокруг В. И. Молчанова, а он работал именно в РГГУ). С тех пор диспозиции не слишком изменились, но значительно расширился ареал распространения школ и направлений философской мысли. Например, к карте распределения очагов философствования можно добавить НИУ-ВШЭ с ее сильной школой аналитической философии языка, российского витгенштейноведения, русской философии, а также аналитической философии действия.

Взаимодействие с каждым из замечательных специалистов, так или иначе составляющих круг моего общения, приносило свои плоды. Несколько лет подряд мы делали проекты в составе команды, состоящей из таких людей, как Юлия и Виктор Горбатовы, София Данько, Костя Павлов, Анна Шиян, Татьяна Левина, Татьяна Лифинцева, Татьяна Рябушкина и др. Мы делали совместные со студентами проекты в Научно-учебной группе, которая впоследствии переросла в Научно-исследовательскую лабораторию по трансцендентальной философии. Главное, что отличало период с 2010 по 2014 год, это интенсивное философское общение, мы часто встречались со студентами: на дому, в стенах университета, устраивали выездные школы (где Софья Данько долгие года поддерживала проект «Философская дача»), коллоквиумы, круглые столы и просто философские чаепития. Мы активно поддерживали практически все студенческие и аспирантские инициативы. Эти четыре года запомнились мне как четыре года невероятной свободы. Тем печальнее было то, что с весны 2014 года ситуация начала постепенно меняться и вскоре наше общение значительно сократилось. Труд-

но отыскать однозначные причины, которые привели к таким изменениям. Возможно, причинность здесь не вполне линейна; наложилось сразу несколько факторов, от изменений в политической повестке до усиления наукометрических стандартов, которые отнимали так много сил, что зачастую их не оставалось на свободное пиршество духа. Как бы то ни было, но, по моим наблюдениям, формат ни к чему не обязывающих встреч и внеинституциональной философской работы (т. е. собственно свободного философствования) неуклонно уменьшались за последние двадцать лет. С другой стороны, стали появляться иные, новые формы общения, весьма любопытные и внушающие определенный оптимизм. Речь идет о новых онлайн-форматах общения, создания онлайн-курсов и возможностей онлайн-вещания в ведении философских дискуссий. Философия в современном мире в значительной степени перемещаются в виртуальный мир и различные формы онлайн-общения. Это, в свою очередь, открывает многие возможности, в частности расширение аудитории и мобильность самой коммуникации. Конечно, у этих инструментов есть и некоторые подводные камни, но трудно отрицать, что мы стоим у порога новой информационной революции, и было бы славно, если бы философия в этой революции стала ближе простым людям, не связанным напрямую с профессиональным сообществом философов и ученых.

Птенцы и их гнёзда

Очень хочется назвать всех своих исключительно талантливых и необычайно способных учеников, однако, по-видимому, это невозможно. Причем было бы правильно назвать не только тех, кто состоялся в качестве профессиональных философских исследователей, но и тех, кто, не оставшись в академии, как-то ошутимо вырос, достиг каких-то внутренних рубежей и смыслов. Из тех, кто принял решение посвятить себя философии, я могу назвать нескольких своих учеников: Илью Павлова, Аню Винкельман и Александра Мишуру. Илья и Аня учились у меня с самого первого курса и практически все время находились на виду. Илья уже не первый год преподает философию в Высшей школе экономики, а Аня преподает ее в вышкинском лицее. Илья, который начинал с самых разных тем, в т. ч. аналитических (будучи также учеником С. В. Данько, он довольно много занимался творчеством Л. Витгенштейна), впоследствии переключается на русскую и русско-советскую философию. Сегодня он работает на стыке с философской и религиозной христианской мыслью. Если ранние его работы касались этических следствий из философии языка Л. Витгенштейна, то позднее он занимается сопоставлением стратегий обращения к трансцендентному в современной и классической философии на примере «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна и Ареопагитик). Еще позже он начинает работу над методом богословия в *Corpus Areopagiticum*, а его интерес смещается в сторону истории философии вообще и истории христианской философской мысли в частности. В поле его изысканий попадают темы трансцендентного и изучение постсекулярной философии. Совсем недавно Илья заинтересовался также философией А. Бибихина и намерен развивать его наследие в будущем не только в России, но и за рубежом.

Анна Винкельман также начинала с разных, в основном эпистемологических тем (темы Я, субъекта, познания и т. д.). Однако после знакомства с курсом лекций одного из ярчайших историков философии, специалиста по Ф. Шеллингу Петра Владиславовича Резвых, Аня влюбилась в немецкую классическую философию и из всех ее представителей отдала предпочтение тому, кто стал в свое время главным героем и для Петра Резвых – Ф. Шеллингу. Спустя какое-то время она переключилась на историко-философскую работу, неизменно держа курс на самые высокие стандарты. Ей удалось выиграть весьма престижную стипендию DAAD и отправиться на учебу в Кёльн, где в Кёльнском университете ей предстояло получить степень магистра. Сейчас она увлеченно занимается подготовкой диссертации по теме любви в философии Ф. Шеллинга и участвует во множестве исследовательских проектов.

Аня относится к числу особенно дорогих сердцу преподавателя учеников, т. к., по своему собственному признанию, поступив в Школу философии много лет назад, не была до конца уверена в своем выборе и не назвалась бы человеком, одержимым философией (каковые встречаются практически в каждом наборе в штучно-эксклюзивном числе). Однако ближе к середине второго курса в Ане пробудилась настоящая страсть к философскому знанию. Она всегда очень много работала и, будучи необыкновенно деятельным человеком, быстро росла в профессии. Уже второй год Анна преподает философию школьникам-лицеистам и открывает в себе всё новые педагогические таланты.

Наверное, отчасти своим учеником я могу назвать и Александра Мишуру – уникального специалиста и человека неординарных дарований, фактически открывшего для российского философского сообщества новый раздел аналитической философии действия, которое, будучи чрезвычайно популярно за рубежом, долго время оставалось недостаточно развитым в России. Александр учился у меня всего один год в магистратуре, будучи слушателем моего англоязычного курса по философии сознания, и еще какое-то время мы общались на правах учителя и ученика. Его прорыв из учеников в самостоятельные исследователи был стремителен, и если принять во внимание, что Александр перевелся на факультет философии с факультета политологии и имел нефилософский бэкграунд, то его прорыв и искренняя любовь к философии не только изумляют, но и вдохновляют его учителей. Сначала Александр почти в одиночку стал разрабатывать курс по аналитической философии действия и проблемам свободы. Уже в первый год работы над диссертацией он смог найти единомышленников в Центре изучения сознания среди самых ярких его представителей: А. Кузнецова, А. Беседина, Е. Логинова, А. Дмитриевой и многих других. Благодаря активному общению с коллегами и соратниками, в том числе из других философских школ и сообществ, Александр давно уже перешел из разряда исследователя-одиночки в статус исследователя с определенным именем, у которого есть свои ученики и последователи.

Отличаются ли пути профессионального становления у моих учеников в сравнении с моим поколением? Я бы сказала, что отличаются, и весьма заметно. Причем, как это часто бывает в случае рефлексии на тему «отцов и детей», где молодость не на твоей стороне, о различиях хочется говорить в ворчливой манере. Однако в данном случае ворчание касается не обсуждения несовершенств молодежи в сравнении с опытным и зрелым поколением старших. Напротив, скорее мое поколение склонно относиться с легкой завистью к судьбе своих учеников, ведь им открывалось гораздо больше возможностей, чем нам. Уже со студенческой скамьи их учат тому, чему мы обучались, лишь защитив кандидатские. Мои студенты задействованы в публикационный процесс чуть ли не с первого курса. Для поступления в аспирантуру от них уже требуются весомые публикации, а ко времени защиты – публикации на иностранных языках. Поколение моих учеников довольно четко представляет, как выглядит академическая карьера, на каких составляющих держится и какие предусматривает требования. Мои студенты много пишут, обучаются академическому письму, общаются с западными коллегами, участвуют в совместных проектах с преподавателями с самых ранних курсов. Их вливание в научную жизнь происходит настолько естественно, что они почти не подвержены травматическим инициациям. Так же обстоят дела и с выбором интересов: у них есть время осмотреться, выбрать нишу, определить круг доступных контактов. Бесценно то, что им открыта дорога для обучения за рубежом, они могут получать двойные дипломы и проходить длительные стажировки за пределами России. Как следствие, они не боятся международной интеграции, понимают, как искать позиции за рубежом, к чему готовиться и как правильно путешествовать по миру так, чтобы профессиональный рост продолжался. К сожалению, мое поколение было лишено многого из этих преимуществ. Очевидно, что академия в России быстро развивалась и профессионализировалась и за последние годы появилось много форм, с которыми моему поколению пришлось соприкоснуться уже после того, как мы состоялись в профессии. Однако у подобной, более стандартизированной формы

академической профессионализации, которая доступна поколению моих учеников, наверное, есть и свои издержки. Я бы сказала, что тот уровень творческой активности и спонтанности, который присутствовал у моего поколения, постепенно уходит в прошлое. Мы никогда не шли в академию «делать карьеру», мы вообще не особо мыслили категориями академического трудоустройства. Скорее, мы оставались в профессии, поскольку не могли расстаться с философией; и не могли расстаться мы с ней потому, что она делала нас счастливыми. И потому, быть может, есть какое-то преимущество в том, что все более просачивающееся в академию естественное для работы крупных корпораций экономическое отчуждение, способствующее, впрочем, росту производительности труда, минуло нас в период посвящения себя философии. Для моего поколения философия была не столько профессией, сколько родом деятельности или образом мысли, равно как и образом жизни. Нам повезло в непосредственно веберовском смысле, ибо – философия стала для нас не только профессией, но и призванием.

Слова благодарности

В заключение моего скромного эссе я хочу выразить огромную благодарность Юлии Синеокой за приглашение в этот чудесный проект, поистине громадный размах замысла которого внушает и волнение, и радость. Я бы также хотела заранее извиниться за возможную рассеянность и неупоминание каких-то имен. К сожалению, задачи такого рода, как запись воспоминаний и летопись жизни, всегда неблагодарны – трудно уделить внимание всем событиям, людям и обстоятельствам в силу простой человеческой забывчивости. Если бы можно разом поблагодарить всех тех замечательных людей, которые встречались на моем пути, кто-то продолжительное время, а кто-то совершенно эпизодически, я бы непременно это сделала! Но это невозможно в рамках одного небольшого текста. И поэтому я выражаю свою огромную признательность всем, с кем мне доводилось сотрудничать и общаться на ниве философии, всем центрам и кружкам философской мысли в России, существование которых поддерживает и придает смысл. Несмотря ни на что, философия остается в России частью проекта Просвещения. Но главное, что я встречала и встречаю в профессиональном сообществе философов, это человеколюбие, сострадание, взаимную поддержку, уважение к личности и ее свободе, ум, благородство и мудрость, и мне кажется, что это сочетание качеств является самым важным для человеческого существования и именно тем, что помогает пробиться к свету.